

Подобная реклама может ввести в заблуждение, особенно малообразованных или невнимательных, доверчивых людей. Такая реклама граничит с манипуляцией, что, по мнению большинства исследователей, нечестно по отношению к адресату.

Использование пословиц и поговорок:

Ученье свет! (на билборде рисунок: школьник с портфелем бежит в школу) *Бегом в школу!* Или модели пословицы или афоризма: *Много вина – мало ума* (вывеска; изображение человека с головой в форме бутылки); *Потерявши голову, по волосам не плачут!* *В стране, победившей фашизм, каждый год растёт число людей, считающих себя фашистами* (плакат; текст на фоне молодого человека, сидящего, склонив голову). Реклама направлена на привлечение внимания к важной проблеме общества – росту фашистских и экстремистских настроений среди молодежи. Важно упоминание о победе над фашизмом, которая стоила многих миллионов жизней советскому народу. Подчеркивается глубина проблемы тем, что молодые люди сами добровольно считают себя фашистами. *Одна нога здесь, / Другая там / скорость убивает* (мелко). На плакате белым шрифтом на черном фоне написана поговорка, которая в данном контексте звучит буквально.

Таким образом, социальная реклама по способам воздействия схожа с коммерческой. Она также воздействует как на эмоциональное, так и на рациональное восприятие аудитории. Специфика заключается в различных целях, преследуемых социальной и коммерческой рекламой. Соци-

альная реклама стремится привлечь внимание и сформировать определенное отношение общества к социальным и государственным проблемам, а цель коммерческой рекламы – формирование благоприятного отношения целевой аудитории к товару/услуге, стимулирование приобрести этот товар/использовать услугу.

Приёмы воздействия в социальной рекламе могут изучаться на стыке лингвистики, психологии и социологии. Выявление способов воздействия может носить прикладной характер и использоваться как исследователями рекламы, так и её создателями.

Примечания

- 1 *Копнина Г.А.* Речевое манипулирование: учебное пособие. М., 2007. С. 15–20.
- 2 *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса. Волгоград, 2004. С. 390.
- 3 *Иссерс О.С.* Коммуникативный успех как прогнозируемая категория // Культурно-речевая ситуация современной России. Екатеринбург, 2000. С. 288.
- 4 *Грибок Н.Н.* Социальная реклама. М., 2008. С. 62.
- 5 *Селиверстов С.Э.* Социальная реклама: искусство воздействия словом. Самара, 2006. С. 45.
- 6 *Николайшвили Г.Г.* Социальная реклама: теория и практика. М., 2008. С. 96.
- 7 Там же. С. 106.
- 8 *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. М., 1969. С. 40.

УДК 821.161.1.09-31+929 Булгаков

ДОКУМЕНТ В СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ И КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

А.П. Романенко

Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: Phylologie@sgu.ru

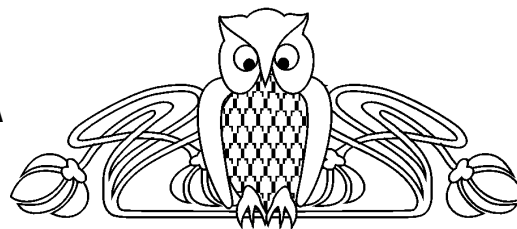
Документ как тип текста, особенно значимый для советской культуры, использован Булгаковым в качестве выразительного средства, организующего в значительной степени как содержание, так и композицию романа «Мастер и Маргарита». В статье рассматриваются эти функции документа в тексте романа.

Ключевые слова: советская культура, документ, композиция, содержание, роман «Мастер и Маргарита».

The Document in the Content and Compositional Structures of Bulgakov's Novel «The Master and Margarita»

A.P. Romanenko

The document being an especially significant text type in the Soviet culture was used by Bulgakov as a stylistic device that arranged both

the contents and the composition of the novel «The Master and Margarita». The article explores these functions of the document in the novel's text.

Key words: Soviet culture, document, composition, contents, novel, «The Master and Margarita».

Роман Булгакова построен на противопоставлении и конфликте двух планов – реального, представленного московской действительностью, и ирреального, представленного сатаной со свитой и рассказами из христианской истории. Первый план – преходящая, временная жизнь, второй – жизнь вечная. Эти планы пересекаются, конфликтуют, второй план при этом мимикрирует и даже весело играет с первым, но иногда – жестоко. Результаты таких контактов показывают несостоятельность, суетность, вариативность реальной советской действительности. Это противопоставление было значимо

для Булгакова – он бережно хранил письмо читателя, разочаровавшегося в современной действительности. Это письмо заканчивается словами: «В последнее время или под влиянием страстного желания заполнить душевную пустоту, или же, действительно, оно так и есть, но я иногда слышу чуть уловимые нотки какой-то новой жизни, настоящей, истинно красивой, не имеющей ничего общего ни с царской, ни с советской Россией. Обращаюсь с великой просьбой к Вам от своего имени и от имени, думаю, многих других таких же, как я, пустопорожних душой. Скажите со сцены ли, со страниц ли журнала, прямо ли или эзоповым языком, как хотите, но только дайте мне знать, слышите ли Вы эти едва уловимые нотки и о чем они звучат? Или все это самообман и нынешняя советская пустота (материальная, моральная и умственная) есть явление перманентное?»¹

Филологически в романе это противопоставление выражается в противопоставлении двух типов словесности – художественной (повествование о Христе и Пилате, жизнь Мастера) и документной, организующей и объясняющей советскую жизнь. Канцеляризацию советской действительности Булгаков видел очень хорошо. Она проявлялась в том, что все сферы жизни строились и функционировали по правилам канцелярии, документные отношения были доминирующими и стремились стать единственными. В языковой практике сформировалась документная герменевтика, формирующая правила оценки и интерпретации человека и его речи². Документ как инструмент человеческой деятельности присутствует и в повествовании о Христе и Пилате, однако он не доминирует в языковой жизни, поэтому и не выглядит уродливо и комично, как документ советский.

В содержании романа (в московской его части) документ предстает, во-первых, как основа, стержень жизни. Во-вторых, он – своего рода лакмусовая бумажка, идентификатор личности персонажей романа.

Высокий статус документа в советском обществе ведет к появлению своеобразной «философии документа», которая в романе получила ироническую окраску. Особенно сильна эта ирония в сцене благоденствий Воланда. Вызванный его волею Мастер сомневается в возможности жить по-прежнему, причем главное препятствие для него – документы:

– Меня все равно в больнице хватятся, – робко добавил он Воланду.

– Ну, чего они будут хвататься! – успокоил Коровьев, и какие-то бумаги и книги оказались у него в руках. – История болезни вашей?

– Да.

Коровьев швырнул историю болезни в камин.

– Нет документа, нет и человека, – удовлетворенно говорил Коровьев, – а это – домовая книга вашего застройщика?

– Да-а...

– Кто прописан в ней? Алоизий Могарыч? – Коровьев дунул в страницу домовой книги, – раз, и нету его, и, прошу заметить, не было. А если застройщик удивится, скажите, что ему Алоизий снился. Могарыч? Какой такой Могарыч? Никакого Могарыча не было. – Тут прошнурованная книга испарилась из рук Коровьева. – И вот она уже в столе застройщика.

– Вы правильно сказали, – говорил мастер, пораженный чистотой работы Коровьева, – что раз нет документа, нету и человека. Вот именно меня-то и нет, у меня нет документа.

– Я извиняюсь, – вскричал Коровьев, – это именно галлюцинация, вот он, ваш документ, – и Коровьев подал мастеру документ <...>

– И ваш документик также, – продолжал Коровьев, подавая Маргарите документ...

Булгаков развивает эту «философию» до абсурда: нет документа – нет и человека, но документ уже в человеке не нуждается, может существовать без него (в отличие от человека). Так, председатель главной зрелищной комиссии Прохор Петрович пропал, а его документная личина (костюм, канцелярские принадлежности) осталась и успешно функционировала без него. Вернувшись, он совершенно одобрил все резолюции, наложенные его костюмом. Как человек, личность он не нужен, излишен.

Подмена человека документом проявлялась и в сфере литературы, что для Булгакова было неприемлемо и абсурдно. Авторское отношение к бюрократизации литературной жизни выражено вполне определенно в сцене посещения Коровьевым и Бегемотом литературного ресторана. На входе в ресторан посетители регистрировались и обязаны были предъявлять писательские удостоверения. У Коровьева и кота их не было, поэтому они не могли считаться писателями. После шутовских препирательств Коровьев произнес и вполне серьезно фразу: «...вовсе не удостоверением определяется писатель, а тем, что он пишет!» Иронизирует Булгаков и по поводу советской писательской организации, называя ее шутовской аббревиатурой МАССОЛИТ. Эта организация строится по административно-канцелярскому принципу, что определяет и отношения писателей – не творческие, а служебные.

В изображении «философии документа» Булгаков был не одинок. У Ю. Тынянова документ существует без человека («Подпоручик Киже»), у Л. Лунца человек превращается в документ («Исходящая № 37»), у А. Платонова директива почти оживает («Котлован»).

Московских персонажей романа, в зависимости от их отношения к документным правилам поведения и к нечистой силе, можно разделить на «умных» (умеющих отступить от документа) и «дураков»³ (живущих по документу и не желающих от него отступить).

Автор подчеркивает «ум» ряда героев. Профессор Стравинский: *«Он умен, – подумал Иван, – надо признаться, что среди интеллигентов тоже попадаются на редкость умные. Этого отрицать нельзя!»* Финдиректор варьете Римский: *«Догадался, проклятый! Всегда был смышлен, – злобно ухмыльнувшись совершенно в лицо финдиректору, проговорил Варенуха...»* Дядя Берлиоза Поплавский: *«Максимилиан Андреевич считался, и заслуженно, одним из умнейших людей в Киеве».* Заведующий писательским рестораном Арчибальд Арчибальдович: *«Ах, умен был Арчибальд Арчибальдович! А уж наблюдателен, пожалуй, не менее, чем и сами писатели».*

«Ум» этих персонажей проявляется следующим образом. Стравинский в беседе с Бездомным подталкивает его к пониманию ограниченности документных правил, которыми тот продолжает руководствоваться, порываясь обратиться в милицию. Профессор говорит о несовместимости ирреального содержания сообщения Ивана с документной герменевтикой и доказывает это, предложив написать заявление в милицию (а документ не может иметь ирреального содержания), что в конце концов убеждает поэта в бессмысленности его намерений и действий: *«Иван работал усердно и перечеркивал написанное, и вставлял новые слова, и даже попытался нарисовать Понтия Пилата, а затем кота на задних лапах. Но и рисунки не помогли, и чем дальше – тем путаннее и непонятнее становилось заявление поэта. <...> Иван почувствовал, что обессилел, что с заявлением ему не совладать, не стал поднимать разлетевшихся листков и тихо и горько заплакал».*

Римский, столкнувшись с потусторонней силой (телефонный звонок Геллы), тут же отказался от документного поведения («сообщить о происшедшем»): *«Никакого разговора о том, чтобы звонить, больше и быть не могло, и теперь финдиректор думал только об одном – как бы ему поскорее уйти из театра».* После встречи с вампирами он уезжает из Москвы и впоследствии ничего не рассказывает следователю.

Поплавский, выгнанный Бегемотом и Азazelло из квартиры Берлиоза, сразу отступает от документных правил: *«Возникает вопрос: уж не в милицию ли спешил Максимилиан Андреевич жаловаться на разбойников, учинивших над ним дикое насилие среди бела дня? Нет, ни в коем случае, это можно сказать уверенно. Войти в милицию и сказать, что вот, мол, сейчас кот в очках читал мой паспорт, а потом человек в трико, с ножом... нет, граждане, Максимилиан Андреевич был действительно умным человеком».* Поплавский тут же уехал «к месту жительства» согласно приказу кота.

Арчибальд Арчибальдович, увидев Бегемота и Коровьева, которых без удостоверений

не пропускала в писательский ресторан служащая, сразу схватывает суть происходящего: *«Арчибальд Арчибальдович знал и о сеансе в Варьете, и о многих других происшествиях этих дней слышал, но, в противоположность другим, мимо ушей не пропустил ни слова “клетчатый”, ни слова “кот”. Арчибальд Арчибальдович сразу догадался, кто его посетители. А догадавшись, натурально, ссориться с ними не стал. А вот Софья Павловна хороша! Ведь это надо же выдумать – преграждать этим двум путь на веранду! А впрочем, что с нее спрашивать».*

Итак, «умные» герои, столкнувшись с иррациональным, отказываются от канцелярского поведения, умеют видеть иную действительность. Таким умением не обладают противостоящие им «дураки» – Иван (в начале романа), Н.И. Босой, Варенуха, Николай Иванович, буфетчик Андрей Лукич и др. Их поведение принимает при контакте с ирреальным миром шутовской характер, а их действия становятся абсурдными. За «неправильное» поведение их наказывают. Так, Иван оказывается в сумасшедшем доме, Босой – в тюрьме, Варенуха становится вампиром и т.д. Интересно, что самый «оканцеляренный» из них, Николай Иванович, даже превращенный в борова, продолжает упорствовать в документном поведении. Его Воланд «с исключительным удовольствием» отпускает, «с исключительным удовольствием, настолько он здесь лишний». Николай Иванович, упорствуя, требует документ «на предмет представления милиции и супруге» и получает шутовское удостоверение.

Документ как способ идентификации лиц и событий организует и композиционное строение романа. На протяжении всего повествования московские персонажи пытаются осуществить документную идентификацию Воланда и связанных с ним событий. Но документ не в силах описать ирреальность: *«Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разные учреждения представили свои сводки с описанием этого человека. Сличение их не может не вызвать изумления. Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Во второй – что человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу. Третья лаконически сообщает, что особых примет у человека не было. Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится».*

Документная идентификация распадается на три этапа и тринадцать шагов⁴. Первый этап (10 шагов) – словесный, его проводят Берлиоз с Бездомным (*немец, француз, англичанин, не иностранец, иностранец, интурист, шпион, профессор, консультант, историк, сумасшедший*). Второй этап (2 шага) – переход к

действиям: желая «разъяснить» неизвестного, Берлиоз пошел звонить «куда следует» и погиб. Иван преследует Воланда и оказывается в сумасшедшем доме. Третий этап (1 шаг) – работа следствия, единственным результатом которой явились шутовские действия – поимка котов и задержание случайных людей.

Таким образом, документ в значительной степени организует содержание и строение московской части романа, являясь также объектом сатиры.

Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (грант № 08-04-00099а.)

УДК 81'27

ГЕНДЕРНЫЙ СТЕРЕОТИП КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР СОЦИУМА

О.Б. Мойсова

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета
E-mail: Phylologie@sgu.ru

Статья посвящена проблеме влияния социальных гендерных стереотипов, лежащих в основе фактора лингвистического и смыслового континуума, на речемыслительную деятельность и поло-ролевую идентификацию мужчин и женщин.

Ключевые слова: гендерный стереотип, формирование гендерной идентификации, гендерная унификация.

Gender Stereotype as a Linguistic Factor of Society System Arrangement

O.B. Moissova

The article is devoted to the problem which lies at the basis of the linguistic and semantic continuum factor - social gender stereotype and its influence on speech-and-thought activities and gender-role identification of men and women.

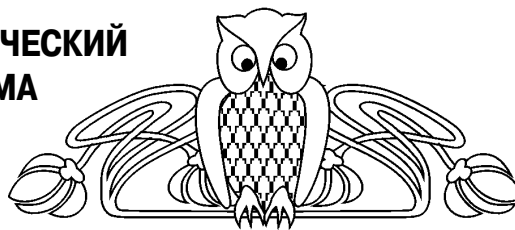
Key words: gender stereotype, gender identification formation, gender unification.

В психологии и сексологии слово «гендер» употребляется в широком смысле, при этом подразумеваются любые психологические или поведенческие свойства, ассоциирующиеся с маскулинностью и феминностью и предположительно отличающие мужчин от женщин (раньше их называли половыми свойствами или различиями)¹. Люди не рождаются мужчинами или женщинами, а становятся ими, причем в этом процессе важную роль играют социальные и культурные факторы.

Гендерная социология – это частная социологическая теория, предметом которой являются социальный статус мужчин и женщин в обществе и его эволюция под влиянием конкретных условий, а объектом – мужчины и женщины как две большие социально-демографические общности,

Примечания

- ¹ Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. Книга вторая // Москва. 1988. № 11. С. 51–52.
- ² Романенко А.П. Советская герменевтика. Саратов, 2008.
- ³ Так они именуются в романе: в раздваивающемся сознании Ивана на вопрос «Так кто же я такой?» (имеется в виду прежний Иван, преследовавший Воланда) следует определенный ответ: «Дурак!».
- ⁴ Подробнее об этом см.: Романенко А.П. Образ документа в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы стилистики. Язык и человек. Саратов, 1996. Вып. 26.

различающиеся социальным статусом и ролевыми функциями, особенностями психологического склада, поведения и сознания².

В отечественной лингвистике гендер понимается многими учеными как отражение в языке культурных и социальных стереотипов поло-ролевой дифференциации, а гендерные исследования относятся к области социо- и психолингвистики и находятся на стадии формирования³.

Распределение социальных ролей оказало влияние на эволюцию мужчин и женщин, а это сказалось на развитии мозга, в частности асимметрии левого и правого полушарий. Развитие мозга происходило в соответствии с возложенными функциями. У мужчин и женщин разные восприятие, приоритеты и поведение, поскольку обработка информации происходит по-разному. Карта сканирования мозга указывает на существование специфического участка, заведующего определенным видом деятельности или функцией. Мужчина и женщина одно и то же явление воспринимают по-разному – мужчина видит вещи и объекты в их пространственной взаимосвязи, женщина подмечает в основном детали⁴. В целом когнитивные процессы в полушариях мозга мужчины и женщины имеют свои особенности, что отражается на их вербальном и невербальном поведении. И, наконец, различия касаются вопросов формирования и реализации личностных характеристик и далее проблем поло-ролевой идентификации⁵.

Французский философ-экзистенциалист С. де Бовуар в работе «Второй пол» впервые поставила проблему подавления феминного в культуре, показав, что общество конституирует мужское (маскулинное) как культурную норму, а женское (феминное) как отклонение от нормы,